

Уважаемый Валерий Дмитриевич!

Уважаемые участники международной конференции!

В первую очередь разрешите выразить слова благодарности организаторам данного мероприятия за приглашение принять участие в его работе. Тема «Конституция в эпоху глобальных перемен и задачи конституционного контроля» однозначно является актуальной для любого государства.

Особая важность надлежащего толкования идейного содержания акта *высшей* юридической силы посредством конституционного судопроизводства объясняется тем, что оно самым непосредственным образом затрагивает доктрину демократического развития государственности и задачи совершенствования современного правового регулирования. Оправданно напомнить о тревоге, выраженной еще в 19-м столетии, что «слово «конституция» может быть талисманом деспотизма, заменяющего насилие хитростью»¹. Поэтому трансляция выявленных результатов относительно понимания пределов прав и обязанностей на всей территории отдельно взятого государства служит основополагающим ориентиром для обременения не только граждан, но и самого государства.

Представляется, что обсуждение реальных проблем конституционного регулирования сегодня, как и в предыдущие годы, призвано положительно отразиться на развитии национальных правовых систем.

Завершая краткую приветственную часть, перехожу к теме своего сообщения с целью обратить внимание участников конференции на некоторые выводы юридической науки.

¹ Le mot constitution pourrait être le talisman du despotisme substituant la ruse à la violence. Dictionnaire universel de la langue française, avec le latin et les étymologies, extrait comparatif, concordance, critique et supplément de tous les dictionnaires français–Pierre Claude Victoire Boiste, Charles Nodier. Bruxelles : Meline J.P. 1835. C. 694.

Как известно, она исследует межличностное общение, основанное на идейном содержании правовых норм. Тем не менее правоотношение, как правило, не выступает приоритетом научного изучения, и на него *системно не проецируются* свойства и явления правовой действительности.

С учетом того, что *каждая* конституция обобщенно предусматривает конституционное должное, она объективно является основой *каждого* национального правового регулирования. Это означает, что *в принципе*, каждый акт межличностного общения на территории любого государства *сопровождается* обозначенным идейным содержанием. Иными словами, идейное содержание конституционных норм *всегда* затрагивает жизнь *каждого* человека, то есть выступает «центром бытия» всего правового регулирования.

Происходит это в формате конкретных конституционных правоотношений, о которых в юридической литературе говорится не так много. А ведь речь идет об актуальности понимания конкретики незримо протекающих *юридических закономерностей* на пространстве всего государства.

О форме и содержании современного конституционализма написано огромное число работ как в России, так и за рубежом. В то же время нельзя сказать, что достигнута консолидация научных точек зрения, гипотез и теорий. Поэтому неслучайно, что понимание конкретики правового и социального государства не всегда совпадает.

Особенно важным здесь предстает аспект конституционных ценностей как основы всех юридических ценностей. Тем самым не одно столетие обсуждаемое соотношение должного и сущего имеет самое прямое отношение к конституционным ценностям.

Нельзя сказать, что тема конституционных ценностей не разрабатывается научным сообществом. Но происходит это, как правило, на понятийном уровне. В частности, российский автор говорит об общечеловеческих ценностях, совокупности нравственных ценностей и

делает лишенный юридической идентичности вывод о том, что «под гуманитарными ценностями понимаются такие отношения, стремления и установления в обществе, которые соответствуют нравственным требованиям людей и способны удовлетворять их положительные духовные потребности (справедливость, совесть, стремление к счастью, добро и др.)»².

В другом случае рассмотрение сути ценностей ограничивается перечислением авторских позиций разных времен и народов³.

При этом не доказано, что персонализированные юридические связи между гражданами или между ними и государством лишены устойчивых правовых показателей. Соответственно, код конституционных ценностей должен поддаваться расшифровке через уяснение внутренней организации отмеченных правовых связей.

Это предположение основано на том, что, несмотря на высокое обобщение, конституционные ценностные начала не являются *случайными* величинами. Их истоки находятся в неотъемлемых у человека чувствах, эмоциях и мотивах, за счет которых, собственно, и происходит ощущение ценностей. Через такие ощущения человек заряжается энергетикой, в том числе, чувством достоинства, а также способностью любить и т.п. В таком ракурсе межличностное общение представляет собой самостоятельную и, можно сказать, вечную гуманитарную ценность. Однако детальных гипотез, связующих юридическими закономерностями сознание и психику каждого человека с конституционным регулированием, найти не удалось.

Стремительные темпы современной социальной жизни, ее глобализация не могут отменить целенаправленности каждого человека на благополучие. В связи с этим, состоянию уверенности и спокойствия за благоприятный

² Кашепов В.П. Гуманизация уголовного судопроизводства как принцип регулирования российского правосудия // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 101–112; СПС КонсультантПлюс.

³ См.: Шохин В. К., Абушенко В. Л. Ценность. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2018 (последняя редакция: 16.03.2018). URL: <http://gtmarket.ru/concepts/6895>

исход *каждого отдельно взятого* акта межличностного общения сложно отказать в обладании ценностным потенциалом.

Скорее всего, не найдется граждан, инертно относящихся к безопасности жизни, в том числе из-за угроз внешней агрессии. Невозможно представить, что кто-то отказался бы от высокоэффективной медицинской помощи. Вряд ли кто не желает, чтобы дети получили достойное современное образование. Этот перечень можно продолжать и продолжать.

Каждый из приведенных локальных случаев, имея свою ценностную специфику, подсказывает, что конституционные идеалы для большинства современных народов, в принципе, трудноразличимые, то есть они обладают свойствами, *объединяющими* цивилизацию.

Из этого следует, что и конституционные ценности не находятся в прямой зависимости от национальности, языка, религии и других характеристик человека.

Невозможно отрицать, что некоторые интерпретации конституционных ценностей могут угнетать всю национальную правовую систему. Поэтому требуется максимальная ясность с методологией научно-прикладного анализа *конкретики* ценностей конституционного должного и сущего.

Тем не менее нет уверенности в том, что сравнительное конституционное правоведение всесторонне разработало способы выявления и обоснования сути и смысла конституционных ценностей. Имеется в виду наличие общепризнанной устойчивой и системной конкретики *наднациональных* признаков, критериев и параметров в конституционном регулировании, формирующих юридические закономерности. Уместно подчеркнуть, что указанная конкретика напрямую затрагивает не только действия (бездействие) рядовых граждан, но и деятельность любого должностного лица независимо от организационного разделения государственной власти.

Акцент на органах власти неслучаен. Споры по поводу правомерности наделения обязанностями конкретных физических лиц и организаций или

отказа в удовлетворении права названных субъектов не являются историческим прошлым.

Таким образом, без знания конкретики взаимосвязанного действия конституционных ценностей не получится эффективно оперировать юридическими закономерностями и проверять правдоподобие получаемых исследовательских результатов.

В то же время автор из США утверждает, что «ценности и принципы – хорошо знакомые элементы ландшафта конституционного судопроизводства, однако... ведутся *активные споры*, а их смысл и значение для *судов серьезно различаются от страны к стране*.

...*Разногласия* по поводу содержания принципов являются *повсеместными* – это имманентная особенность конституционного права. *Та же ситуация* и со спором об «импорте» ценностей в конституционный дискурс...

...Последние часто имеют обусловленное культурой значение, которое придает им *характеристику обособленности* и исключает ценности из какого-либо дискурса об *универсальности*»⁴.

По существу, аналогичной точки зрения придерживаются два автора из ЮАР.

Один из них полагает, что понятие «конституционные ценности» часто встречается в современном конституционном дискурсе. Его значение, однако, не вполне ясно и часто используется в связи с понятием «принцип»⁵.

Другой исходит из того, что «поскольку ценность является холистическим понятием: существует множество параллельных (чтобы не сказать «конфликтующих») ценностей, и уровень удовлетворения каждой из

⁴ Jacobsohn G.J. Constitutional Values and Principles // Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law, ed. by Michel Rosenfeld, András Sajó. 2012, Oxford University Press. P. 777, 785, 785.

⁵ Francois Venter. Filling Lacunae by Judicial Engagement with Constitutional Values and Comparative Methods // Tulane European and Civil Law Forum. No. 29, 2014, США. P. 88

них различен в зависимости от его нестабильного положения относительно других ценностей»⁶.

В свою очередь, японским исследователем высказано иное мнение о том, что «положения основного закона всегда интерпретируются в соответствии с духом времени (*Zeitgeist*), основной его идеей, и поэтому даже основные права и требования демократического процесса, прописанные в одной и той же конституции, могут иметь разное значение в разные времена. Поэтому **нам необходима определенная система координат**, с которой мы сможем **сверяться для правильной интерпретации конституционных прав и принципов**»⁷.

Как полагает тот же автор, «без системы конституционных ценностей существует риск того, что в практике применения конституции приоритет получит какая-то одна ценность или право, и они будут извращены таким образом, что приобретут прямо противоположное значение, благодаря чему во имя конституционного права будет легитимизирована несправедливость»⁸.

В какой-то мере его поддерживает немецкий автор, говоря о том, что «таким образом, высшая конституционная ценность (имеется в виду человеческое достоинство – уточнение П.С.) основана на множестве различных, но исходящих из сходных предпосылок течений мысли»⁹.

С очевидностью научный поиск устойчивых и универсальных конституционных ценностей – крайне трудоемкое научное занятие. Бесспорно, алгоритмы гибкости любого национального конституционного регулирования являются сложнейшими, так как одновременно включают много уровней, составляющих и функций. Причем названные слагающие переплетены глубинными зависимостями.

⁶ Paul Sourlas. Human Dignity and the Constitution // Jurisprudence. Vol. 7 (1), 2016. P. 30-46.

⁷ Hiroshi Nishihara. The Significance of Constitutional Values. Potchefstroom Electronic Law Journal, 2017. P. 2. URL: <https://www.ajol.info/index.php/pelj/article/view/43493/27028>

⁸ Hiroshi Nishihara. The Significance of Constitutional Values. Potchefstroom Electronic Law Journal, 2017. P. 2. URL: <https://www.ajol.info/index.php/pelj/article/view/43493/27028>

⁹ Joachim Detjen – Die Werteordnung des Grundgesetzes. VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. P. 58.

В то же время, признавая наличие объективных сложностей с системным изучением конституционных ценностей, нельзя назвать второстепенной значимость получаемых ответов. В современных условиях, включающих инфраструктурную модернизацию военной мощи, от уяснения научно обоснованной сути конституционных ценностей зависит судьба не только отдельно взятого человека или государства, но всей цивилизации. Поэтому насущно необходимо определяться с *нормативами*, слагающими конституционные ценности.

Оправданно обозначить некоторые точки отсчета.

Например, категория счастья в целом понимается неоднозначно¹⁰. По разному толкуется достижение личного благополучия как элемента счастья. Вместе с тем прагматизм конституционного регулирования не позволяет уверенно утверждать, что оно не содержит юридических характеристик счастья и благополучия. Выбор между несовпадающими вариантами понимания счастья и благополучия ежедневно делается в каждом государстве, в неопределенно большом количестве как рядовыми гражданами, так и занимающими то или иное должностное положение.

Конкретика конституционного должного в принципе не направлена на причинение кому-либо физической или психологической боли. Это условие также имеет гуманитарное ценностное измерение, так как прямо затрагивает вопросы гармонии всего разнообразия межличностного общения.

Имеется категория, более близкая к правовому регулированию, но многовековая полемика вокруг которой также проходит с использованием общих характеристик. Речь идет о справедливости, хотя фактически всегда имеет место стремление к *конкретике* справедливости. В частности, ради *конкретики* справедливости межличностного общения *формулируется, вводится и применяется* идейное содержание правовых норм, включая конституционные. Конституционное судопроизводство также *неизбежно* концентрируется на *конкретике* справедливости применительно к

¹⁰ См.: Оруэлл Дж.1984. Скотный Двор. Эссе. Москва. Изд-во «Эксмо». 2002. С. 416–424.

конкретной ситуации, а также к *конкретике* норм, проверяемых на соответствие Конституции. Приведенные тезисы означают, что и конституционные ценности справедливости также имеют свою *конкретику*.

Из сути понимания конституционных ценностей не должен ускользать еще один важный вопрос. Бесспорно, с течением времени в жизни общества каждого государства происходят различные изменения, но означает ли это, что социальный прогресс *обязательно* приводит к эволюции ценностей, *устоявшихся* и *выверенных* социальным опытом тысячелетий? Если согласиться с этой посылкой, то причины изменения конституционных ценностей должны получать наглядную визуализацию. В то же время в юридической литературе, в том числе зарубежной, не удалось встретить общепризнанную системную конкретику признаков, критериев и параметров, *наглядно* свидетельствующих об изменении *сущности* ценностей юридической направленности. Иными словами, в изменение конституционных ценностей предлагается верить, ибо убедительных доказательств юридическая наука фактически не представляет.

Например, совесть как моральный продукт неизменно сопровождает каждый акт межличностного общения, и ее ценность не удастся изменить. В то же время изменяется диапазон бессовестности, и, возможно, такие факты продуцируют впечатление, что происходит переоценка категории совести.

Отмеченное выше сочетание чувств, эмоций и мотивов неразрывно связано с субъективным поведением. Поэтому вполне рационально представляется, что и природа закономерностей изменений конституционных ценностей должна исследоваться в том числе с учетом названных психологических показателей. Так, состояние того же спокойствия за исход всегда *конкретного* акта межличностного общения не означает инертности к юридическим гарантиям результатов такого общения. Скорее, напротив, субъективные интересы переплетают субъективное сознание и психику различной степени нервного напряжения.

В связи с этим не точнее ли полагать, что меняется не система конституционных ценностей, а их восприятие отдельно взятой социальной группой, по каким-либо соображениям нацеленной на психологические потребности, не совпадающие с общепринятыми. Нежелание признания традиционных ценностей подчас объясняется естественным равнодушием к *себе* и производным равнодушием к другим членам общества.

Так, ощущения уважения человека человеком представляет гуманитарную ценность, которую не получится отменить, как и способность человека испытывать вину. Вместе с тем не секрет, что отрицание виновности и сокрытие соучастников вызывают уважение в криминальной среде. Однако, такое искаженное понимание ценностей уважения и вины не несет социуму блага и не может поддерживаться.

Как представляется, даже кратко приведенные доводы уже свидетельствуют о том, что неопределенность восприятия конституционных ценностей, а также преждевременные суждения относительно их обновления могут невольно продуцировать неоправданные параллели в понимании конкретики справедливости и правового регулирования в целом.

Очевидно, что не просто гарантированно отличать *подлинные* конституционные ценности от того, что кем-то придуманное рядится под них. В то же время, отдавая дань многогранности конституционного упорядочивания межличностного общения, контуры юридизации таких процессов можно наметить, основываясь на конструкции конституционного правоотношения. Его механизм устойчиво наполнен значениями сопрягающихся конкретных признаков, критериев и параметров конституционного регулирования. Юридической сутью его предстают взаимность и паритетность субъективных прав и обязанностей во всех допускаемых версиях межличностного общения.

Представляется, что одной из основополагающих причин, не позволяющей консолидирующим образом формализовать конституционные ценности, является *доктринальное* доминирование категории права.

Целесообразно привести на этот счет суждение о том, что «в общей шкале гуманитарных ценностей права человека, как и сам человек, занимают центральное место, приоритет и значимость которых неоспоримы и очевидны»¹¹.

При этом сложно говорить об очевидности ценности права, если другим российским автором утверждается, что «она открыта *для всех*, но доступна *не для всех* (выделено мной – П.С.), а лишь для тех, кто не просто замороженный словами, увлечен правом, а широко образован, хорошо воспитан, высококультурен, т.е. просвещен в самом широком и глубоком смысле слова, и обязательно деятелен, предприимчив, творчески подходит к тому, что оказывается в поле зрения его интересов»¹².

Как полагает упоминаемый выше южноафриканский автор, «если рассматривать права как интересы или ценности, исходя из той же предпосылки, идея о достоинстве как праве второй очереди, т.е. праве иметь права, представляется несостоятельной»¹³.

Скорее всего число несовпадающих точек зрения намного больше.

В этой ситуации вполне ожидаемо, что в емкой метафоре о сне права констатируется возможность его произвола¹⁴. Ведь подлинные конституционные ценности, *ежедневно* опосредуя межличностное общение, по определению не могут поддаваться состоянию летаргии. Малопредсказуемо, что юридические категории, реально привносящие в социум нравственное равновесие, будут оставаться за пределами общественного сознания.

Концептуально доктрина права реализуется в формуле верховенства права. За ее счет научное юридическое сообщество, по существу, общепринято, пытается отразить *все* многообразие рельефа правовой

¹¹ Международная и внутригосударственная защита прав человека: Учебник / А.Х. Абашидзе, З.Г. Алиев, К.Ф. Амиров и др.; под ред. Р.М. Валеева. М.: Статут, 2011. 830 с.; СПС «КонсультантПлюс».

¹² Самигуллин В.К. Право и неправое // Государство и право. 2002. № 3. С. 8.

¹³ Paul Sourlas – Human Dignity and the Constitution // Jurisprudence. Vol. 7 (1), 2016. P. 30-46.

¹⁴ См.: Зорькин В.Д Сон права рождает произвол // Российская газета. 2017. 6 июня. № 7288.

действительности. Причем до такой степени, что право фактически стало признаваться единственной потребностью действительности. Неслучайно оно, так или иначе, декларируется в большинстве конституций современных государств.

При этом не учитывается, что, например, географы, определяя *статику* координат на местности, *всегда* используют как минимум две точки отсчета. Ценность этого замечания заключается в том, что при *абсолютном погружении* в одну категорию права *нельзя панорамно видеть всю* правовую действительность. Соответственно, проблематично *правильно* ориентироваться и *использовать* эту категорию в разнообразии *динамики* межличностного общения.

Отсюда возникает закономерная неясность с природой, позиционируемой конституционной ценности права. Оправданно полагать, что *само ощущение* таких ценностей проистекает из сравнения одной субстанции с другой. Но в общепризнанной теории такие сравнения не приводятся. Обращение к гипотезам о естественных правах в своей основе проясняет исторические контексты, но не суть ценностных сравнений.

Как следствие, *безальтернативно необходима*, как минимум вторая категория, продуцирующая *сравнительную* ценность права. Естественным образом на это место напрашивается категория обязанности. Но обязанность *системно* отсутствует в юридической аналитике, поскольку ей придается значимость категории, всего лишь обслуживающей право.

Неслучайно доводы о важности права *не подкрепляются* конкретикой признаков, критериев и параметров, *детально показывающих* его *функционирование* в правовой действительности. Учитывая научную уверенность в истинности такого предположения, есть все основания полагать, что исследовательские чувства, эмоции и мотивы должны отражать обозначенную конкретику. Прошедших десятилетий, если не сказать столетий, вполне достаточно для того, чтобы решить *и эту* задачу. Но *длительные* дискуссии по многим и многим, причем повторяющимся

вопросам невольно вызывают сомнения в продуктивности результатов. Иными словами, нам в очередной раз предлагается *верить* теперь в право, но не представляется юридических доказательств, подтверждающих эту веру.

Мало того, общепринято в один ряд с субъективными правами ставить субъективные интересы и субъективные свободы. Красиво звучат доводы о том, что «человечество состоит из уникальных, морально автономных и метафизически свободных личностей»¹⁵. Неплохо бы уникальность, автономность и свободу системно переложить на конкретику юридических признаков, критериев и параметров. Причем следует говорить не об абстракте и о статичном субъекте права, а о большом количестве *живых* людей, объединенных в *социум*. Однако сложно сказать, что *системное соотношение* названных интересов, прав и свобод получило всестороннее и детальное освещение. Тем более нельзя сказать, что юридическая наука успешно разрабатывает психологически тончайшую трансформацию *статики* идейного содержания конституционных норм в *динамику* субъективного поведения. Не находится подтверждения и выявленным юридическим закономерностям, которые вроде бы должны связывать обозначенные категории. Иначе бы не говорилось о кризисе современного конституционализма, проявлениями которого являются дефицит реальной демократии¹⁶, расхождение идейного содержания конституционных норм и реальных общественно-политических и социально-экономических процессов в стране¹⁷.

В качестве дополнительных аргументов о малопродуктивности научных рассуждений о праве следует учитывать неуспешные в целом рассуждения о способах противостояния злоупотреблению правом. Во всяком случае,

¹⁵ Anita L. Allen. Constitutional Law and Privacy // A Companion to Philosophy of Law and Legal Theory, ed. by Dennis Patterson. 2010, Blackwell Publishing. P. 156.

¹⁶ См.: Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Сильное местное самоуправление – сильное государство: история и современность // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 4. С. 62–74.

¹⁷ См.: Добрынин Н.М. Размышления о российском конституционализме: современное состояние, конформизм или же необходимость реальной конституционной реформы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 12. С. 15–23.

нельзя неоспоримо полагать, что они в каком-либо государстве *тотально* перекрыли лазейки для недобросовестной конкуренции, производства контрафактной продукции или коррупционных настроений.

Лишь тезисно обозначенная сложившаяся ситуация вокруг права позволяет полагать, что эта категория исполняет сольную партию только в научных рассуждениях. В реальности многообразия правового регулирования право просто не в силах полноценно и полномасштабно отразить конституционные ценности.

Придание праву приоритета, несомненно, основывается на драматизме многих и многих исторических событий, происшедших за время существования государства. Оценивая это обстоятельство, нельзя не учитывать, что конституционные ценности, будучи сами бесстрастными, неизбежно влекут страсти. Этот факт особо ярко проявляется в конфликтных сюжетах вокруг права собственности.

Исходя из изложенного напрашивается, что статистика конституционного регулирования независимо от государственных границ не может не содержать комплексную информацию о единстве конституционных ценностей и юридических закономерностей их функционирования. В связи с этим и возникает насущная потребность научно обоснованного распознавания таких ценностей, их классификации и прикладного системного использования.

В таких вариантах научных оценок не только конституционное должное, но и разнообразное сущее будет обретать системную конкретику юридических признаков, критериев и параметров. Тем самым будет более рационально нарабатываться понимание юридических закономерностей конституционного уровня, упорядочивающих разнообразие взаимности и паритетности субъективных прав и обязанностей, включая международный пласт.

Их системное наложение на различные сюжеты конституционного регулирования будет формировать устойчивые юридические препятствия

для неосновательного политического усмотрения на конституционное правовое регулирование. Конституционное творчество должно создавать реальное благо для общества, но не допустимо, чтобы под видом этого блага вершилось самое настоящее зло. Как следствие, планируемые законотворческие мероприятия будут аккуратнее и продуманнее как по сути, так и по технологии их претворения.

Объективированность *пределов* такого усмотрения в контексте конституционных гарантий обеспечения качества жизни означает, что фундаментализм конституционного регулирования, не отторгая национальной культуры, традиций и обычаев, гармонично формируется *наднациональными* гуманитарными ценностями. За счет этого, вероятно, и происходит корреспондирование идейного содержания одной конституции содержанию другой конституции.

С учетом того, что в настоящее время не складывается своеобразная наднациональная лаборатория методологического научного тестирования конституционного регулирования, и возникает вопрос, не пропустила ли юридическая наука в своих исследованиях чего-то важного?

В заключение желаю всем участникам конференции плодотворной и всесторонней аналитической работы.

Спасибо за внимание.